

DOI: 10.31857/S013038640007616-5

© 2019 г. М. В. КОВАЛЕВ

«МОЯ ЖИЗНЬ СЛИЛАСЬ С МОЕЮ НАУЧНОЮ РАБОТОЮ...»: ПРОФЕССОР ИВАН ИВАНОВИЧ ЛАППО (1869–1944)

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и Архива РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена за счет средств гранта РНФ № 18-78-00102 «Российское интеллектуальное присутствие в Восточной Европе в исторической ретроспективе “короткого XX века” (1914–1991)».

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется жизненный и творческий путь историка Ивана Ивановича Лаппо (1869–1944), крупнейшего специалиста в изучении истории Великого княжества Литовского. Раскрываются этапы его ученой и педагогической карьеры в Санкт-Петербургском и Юрьевском университетах. На рубеже XIX–XX вв. И. И. Лаппо высказал мысль, что после заключения Люблинской унии в 1569 г. Литва продолжала сохранять большую долю самостоятельности в составе Речи Посполитой. Уния была одной из причин того, что Речь Посполитая оставилась в своем государственном развитии, интересы Польши и Литвы было невозможно примирить в составе одного государства. Отстаиванию этого тезиса он посвятил всю свою научную карьеру.

Специально обрисовывается период работы И. И. Лаппо в Литве, раскрываются его связи с академической и политической средой этой страны. Крушение Российской империи стало для ученого личной трагедией, он опасался роста национализма, особенно украинского, но все же с симпатией относился к становлению независимой Литвы и потому крайне негативно воспринимал польские притязания на литовскую территорию и государственность. В статье анализируется влияние И. И. Лаппо на литовскую историографию. С одной стороны, он пытался развеять устоявшиеся исторические мифы, а с другой – его научные выводы ложились на благодатную почву нового национального мифотворчества. Так, национально-романтическим духом было пропитано его отношение к князю Витовту, которого он героизировал и противопоставлял Ягайло. Эти взгляды хорошо соотносились с едва ли не официально утвержденным в межвоенной Литве культом Витовта Великого. Если в дореволюционной России антипольские мотивы творчества И. И. Лаппо сходились с официальным имперским дискурсом, то они же поразительным образом оказались востребованы в независимой Литве.

Ключевые слова: И. И. Лаппо, Чехословакия, Литва, Польша, Великое княжество Литовское, транснациональные научные связи, русское присутствие в Прибалтике.

М. V. Kovalev

“My life is bound to my academic work...”: Professor Ivan Ivanovich Lappo (1869–1944)

Mikhail Kovalev, the Institute of World History, Russian Academy of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Abstract. In this article the life and career of the historian Ivan Ivanovich Lappo (1869–1944), a major specialist in the study of the history of the Grand Duchy of Lithuania, are analyzed. The stages of his academic and pedagogical career at St. Petersburg and Yuriev Universities are fully examined. At the turn of the 19th–20th centuries. I. I. Lappo suggested that after the conclusion of the Union of Lublin in 1569, Lithuania continued to maintain a large share of independence as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita). The Union was one of the reasons why the Commonwealth stopped in its state development, the interests of Poland and Lithuania were impossible to reconcile as part of one state. He will devote his whole scientific career to upholding this thesis.

The period of I. I. Lappo's work in Lithuania is specially outlined, his connections with the academic and political environment of this country are examined. The collapse of the Russian Empire became a personal tragedy for the professor, he was afraid of the growth of nationalism, especially Ukrainian, but he was sympathetic to the formation of independent Lithuania and therefore very negatively perceived Polish claims to Lithuanian territory and statehood. In the article the influence of I. I. Lappo on Lithuanian historiography is analyzed. On the one hand, he tried to dispel established historical myths. But, on the other hand, his scientific conclusions laid on the breeding ground of a new national myth-making. Thus, his attitude towards Prince Vytautas, whom he heroizes and opposes Jogaila, was imbued with a national romantic spirit. These views correlated well with the cult of Vytautas the Great, which was almost officially approved in interwar Lithuania. If in pre-revolutionary Russia the anti-Polish motives of I. I. Lappo's work converged with the official imperial discourse, then it were strikingly in demand in independent Lithuania.

Keywords: I. I. Lappo, Czechoslovakia, Lithuania, Poland, the Grand Duchy of Lithuania, transnational scientific relations, the Russian presence in the Baltic region.

Иван Иванович Лаппо появился на свет в Царском Селе 29 августа 1869 г. в семье, восходившей корнями к западнорусским дворянским родам. В 1888 г. после окончания 1-й Санкт-Петербургской гимназии он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Среди блестящей плеяды преподавателей особенно ему близким оказался Сергей Федорович Платонов, который и стал его научным наставником. Именно по его рекомендации И. И. Лаппо после окончания университета в 1892 г. был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию.

В 1894 г. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских» появилась первая большая работа И. И. Лаппо¹, вскоре опубликованная и в виде отдельной книги². Это было фундаментальное социально-демографическое исследование Тверского уезда в XVI в., основанное на изучении писцовых книг из Московского архива Министерства юстиции. И. И. Лаппо удалось детально обрисовать

¹ *Ланно И. И.* Тверской уезд в XVI веке: его население и виды земельного владения. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете, т. 171, 1894, кн. 4, с. 1–238.

² *Ланно И. И.* Тверской уезд в XVI веке: его население и виды земельного владения (этюда по истории провинции Московского государства). М., 1894.

особенности землевладения в уезде и его виды, типы поселений, способы хозяйственного освоения территории, характер населения. Труд этот по сей день не утратил своей научной значимости. Тем не менее путь И. И. Лаппо к ученой карьере не был быстрым. Долгое время он работал преподавателем средней школы, давая уроки в Императорском воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургской Мариинской женской гимназии.

Вероятно, работая с материалами Московского архива Министерства юстиции, он заинтересовался хранящимися там документами Великого княжества Литовского. С середины 1890-х годов изучение его истории делается главным научным интересом И. И. Лаппо, и он останется верен ему до конца жизни. В 1902 г. в Санкт-Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория»³. И. И. Лаппо взял на себя непростую ношу по пересмотру сложившихся в историографии представлений о Люблинской унии 1569 г. По мнению историка, после ее заключения Литва сохраняла большую долю самостоятельности в составе Речи Посполитой, которая была союзом двух государств с невыработанной окончательно федеративной властью. Литва продолжала обладать своей казной, бюрократической системой, независимыми сеймами. Причем Люблинская уния была одной из причин того, что Речь Посполитая остановилась в своем государственном развитии. Интересы Польши и Литвы было невозможно примирить в составе одного государства. Отстаиванию этого тезиса он посвятит всю свою научную карьеру.

Книга была тепло встречена историческим сообществом. По мнению такого авторитетного специалиста, как Матвей Кузьмич Любавский, И. И. Лаппо «в высшей степени серьезно» отнесся к поставленной задаче, проделал многолетний и кропотливый труд, что он не «бегло только просматривал архивные документ, а внимательно читал их и штудировал». Поэтому его работе, несмотря на умеренные недостатки, суждено быть «справочной книгой всех, занимающихся литовско-русской историей»⁴. Действительно, И. И. Лаппо удалось собрать и обработать колоссальный фактический материал, рассмотреть историю Литвы на фоне широкой исторической панорамы. Высокая оценка М. К. Любавского была тем более важна, поскольку И. И. Лаппо подверг критике некоторые идеи коллеги. Защита позволила ему сделать шаг вверх по карьерной лестнице. Он был приглашен приват-доцентом в родной университет, правда, проработал там всего два семестра.

В 1904 г. остро встал вопрос о замещении вакантной должности профессора кафедры русской истории в Юрьевском университете. Занимавший ее ранее Евгений Францевич Шмурло в 1903 г. был назначен ученым корреспондентом Академии наук в Италии и перебрался в Рим⁵. В сентябре 1904 г. совет историко-филологического факультета объявил конкурс. Первым кандидатом был профессор всеобщей истории Юрьевского университета Антон Никитич Ясинский, вторым – приват-доцент И. И. Лаппо. Декан историко-филологического факультета Яков Фридрихович Озе 13 сентября 1904 г. обратился в Петербург к С. Ф. Платонову с просьбой представить

³ *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя, т. 1. СПб., 1901.

⁴ *Любавский М. К.* И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя, т. 1. СПб., 1901. – Журнал Министерства народного просвещения, т. 340, 1902, № 4, с. 487–488, 490.

⁵ *Ковалев М. В.* Евгений Францевич Шмурло: русская италянистика в эмиграции. – Новая и новейшая история, 2016, № 1 с. 159.

отзывы о соискателях должности⁶. Тот, сославшись на чрезмерную занятость, отказался, однако высказал письменно свои суждения. По его мнению, приглашение И. И. Лаппо станет настоящим приобретением для факультета: «Это — ученый серьезный и объективный, с хорошими познаниями и хорошим методом, обладающий большим педагогическим опытом и прекрасными качествами корректного товарища. Несомненно, что на кафедре он не будет почивать на лаврах, не оставит научной работы и преподавание будет педантично усердно. Со вступлением И. И. Лаппо в состав Вашего Ф[акультет]а кафедра р[усской] истории будет представлена достойно»⁷. Вместе с тем он критически отнесся к кандидатуре А. Н. Ясинского, поскольку тому придется перейти с преподавания всеобщей истории на историю российскую. К тому же он закроет вакансию, столь необходимую для молодых специалистов, а его место по кафедре также будет непросто заместить. Трудно сказать, какую роль сыграла рекомендация маститого ученого, но совет предпочел именно его ученика. Приказом министерства народного просвещения 13 мая 1905 г. магистр русской истории, коллежский ассessor И. И. Лаппо был назначен экстраординарным профессором по кафедре русской истории. Как читающему лекции на русском языке, ему было назначено содержание в размере 2000 рублей с отнесением 1700 рублей на счет штатных сумм и 300 рублей на остаток от суммы на содержание личного состава или специальных средств университета⁸.

Осенью 1905 г. И. И. Лаппо приступил к чтению общего курса по русской истории, с 1907 г. к нему прибавятся курсы по истории русского права и русской церкви, затем — спецкурс по русской историографии. Л. В. Дубьева, ссылаясь на мемуары Ханса Крууса, будущего эстонского академика, а в ту пору — студента, отмечает популярность занятий профессора: «Как лектор он говорил по делу, в основе лекций, видимо, лежал основательный конспект. Он не был пылким оратором и своими выступлениями, видимо, не стремился произвести особый эффект. Но его лекция, излагавшаяся с продуманной и взвешенной логикой, захватывала и запоминалась»⁹.

Получив место в Юрьеве, И. И. Лаппо надеялся осуществить давний научный план и заняться изданием материалов Литовской метрики — документов государственной канцелярии Великого княжества Литовского. В 1906 г. он обратился с этой идеей в Археографическую комиссию. Публикация материалов метрики была начата в 1903 г. в серии «Русской исторической библиотеки» под редакцией Петра Андреевича Гильдебрандта. Но смерть ученого ставила под угрозу продолжение работ. Потому инициатива И. И. Лаппо была встречена в Археографической комиссии с нескрываемым одобрением, и 21 марта 1906 г. было принято решение поручить ему данное дело. Он к этому времени уже разработал подробнейшее методическое указание и очертил план грядущих работ. Он видел необходимым полное издание всего комплекса документов метрики, хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции. В то же время он предлагал разделить такое издание на части, согласно сохранившимся отделам документов: отделы записей, судебных дел, публичных дел, переписей. К ним следует присоединить в качестве самостоятельной части сборные документы из остальных

⁶ Письмо Я. Ф. Озе к С. Ф. Платонову от 13 сентября 1904 г. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), ф. 585, оп. 1, д. 1861, л. 1.

⁷ Письмо С. Ф. Платонова к Я. Ф. Озе [б.д.]. — Там же, д. 3705, л. 1–2.

⁸ Письмо попечителя Рижского учебного округа Г. Ульянова ректору Юрьевского университета от 9 июня 1905 г., № 4415. — *Rahvusarhiiv Tartus*, ЕАА, 402.3.938, 14–14р.

⁹ Дубьева Л. В. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. — Балтийский архив. Русская культуры в Прибалтике, т. IX. Вильнюс, 2005, с. 376–378; *её же*. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX — начале XX в. Диссертация. Tartu, 2006, с. 54.

разделов метрики¹⁰. План И. И. Лаппо был официально утвержден Археографической комиссией 4 мая 1906 г. Уже к 1910 г. он подготовил издание так называемых «книг записей»¹¹, а к 1914 г.— «книги публичных дел»¹².

Поскольку необходимые для работы материалы были рассредоточены по разным городам, И. И. Лаппо регулярно совершал научные командировки в Санкт-Петербург, Москву, Вильну, Варшаву, Витебск, Киев. У него было повышенное чувство ответственности ученого, о котором красноречиво говорят строки из письма к С. Ф. Платонову (1 мая 1911 г.): «Чувствуя себя одиноким работником в области Литовско-Русской истории после Унии, я должен на первом для себя плане ставить возможность успеть за свою жизнь сделать возможно больше... Моя жизнь слилась с моею научною работою, и я считаю своим нравственным долгом не упускать возможности поставить себя именно в те условия, в которых работа эта может быть наиболее продуктивною»¹³.

24 апреля 1911 г. в Москве И. И. Лаппо защитил докторскую диссертацию «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия»¹⁴. Его официальными оппонентами были М. К. Любавский и Ю. В. Готье. Из Петербурга специально приехал С. Ф. Платонов, что свидетельствует о его глубокой привязанности к своему ученику и его поддержке. Примечательно, что именно он посоветовал И. И. Лаппо защищать диссертацию не в Петербурге, а в Москве, памятуя о его давних связях с московскими коллегами. И. И. Лаппо делился впечатлением о произошедшем событии со своим виленским коллегой Иваном Яковлевичем Спрогисом: «Диспутом я не только доволен. Скажу просто: он был лучшею наградою, которую я когда-либо получал за свой труд почти двадцать лет работающего научного работника»¹⁵.

В научных трудах И. И. Лаппо выступал горячим литовским патриотом и верил, что способен развенчать устоявшиеся исторические мифы. В январском письме 1911 г. к И. Я. Спрогису он отмечал: «Теперь Литва и Белоруссия несколько проснулись, разбираются в своем историческом прошлом, уясняют свое отношение к Польше»¹⁶. При всем кажущемся антипольском пафосе, И. И. Лаппо в своем научном творчестве не опускался до националистических выпадов, хотя настороженно относился к польской культурной экспансии и повышенной активности католической церкви, в частности к деятельности епископа Эдварда фон Роппа.

Защита упрочила академический статус ученого. Он получил возможность стать ординарным профессором. И хотя положение его в Юрьеве было крепким, он завоевал уважение и коллег, и студентов, не обходилось без конфликтных ситуаций. У И. И. Лаппо не сложились отношения с антиковедом, филологом-классиком Михаилом Никитичем Крашенинниковым. Еще на этапе обсуждения кандидатуры И. И. Лаппо на профессорскую вакансию М. Н. Крашенинников пытался добиться поручения написания отзыва о научных трудах кандидата киевскому профессору Владимиру Степановичу Иконникову. Совет историко-филологического факультета отклонил это предложение и постановил просить о рецензиях С. Ф. Платонова

¹⁰ [Лаппо И. И.] Записка профессора И. И. Лаппо. — Летопись занятия Императорской Археографической комиссией за 1906 год, вып. 19. СПб., 1908, с. 20—41.

¹¹ Литовская метрика. Отдел первый. Ч. 1. Книги записей, т. 1. СПб., 1910.

¹² Литовская метрика. Отдел первый—второй. Ч. 3. Книги публичных дел. Юрьев, 1914.

¹³ Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 1 мая 1911 г. — ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 3344, л. 7об.—8.

¹⁴ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-Русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

¹⁵ Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906—1912). Публ. и комм. Л. В. Дубьевой. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике, т. IX, с. 402.

¹⁶ Там же, с. 401.

и А. А. Васильева. М. Н. Крашенинников выразил протест, мотивируя свой поступок необходимостью «возможно полнейшей оценки достоинств и недостатков кандидатов», и даже направил особое мнение в факультетский совет¹⁷. Демарш успеха не имел, но, вероятно, ни М. Н. Крашенинников, ни И. И. Лаппо об этой истории не забыли¹⁸.

Время работы в Юрьеве совпало с годами Первой русской революции, оживления общественного движения и одновременно правительственной реакции. Ректор Юрьевского университета Евгений Вячеславович Пассек был предан суду Особого присутствия при Правительствующем Сенате по делам о должностных преступлениях и на основании его решения в 1908 г. уволен с должности, хотя в годы революции именно благодаря его авторитету и дипломатичности университет был единственным в России, где не прерывались занятия. И. И. Лаппо нельзя считать оппозиционером, но очевидно, что официальная политика в университетском вопросе вызывала у него неприятие. Здесь следует напомнить, что вопрос об университетской автономии «имел в русском обществе значение, далеко выходящее за пределы высшей школы; само понятие автономии было неразрывно связано с русским освободительным движением»¹⁹. Наступление на университеты воспринималось как посягательство на интеллектуальную свободу и прогресс²⁰. Но, как это часто случается, во времена подобных потрясений ученая корпорация проявляет себя по-разному. Отдельные ее члены пытаются приспособиться к сложившейся ситуации, причем отнюдь не из идейных побуждений, а исключительно из карьерных расчетов.

В сентябре 1914 г. ректор университета математик Виссарион Григорьевич Алексеев был назначен попечителем Виленского учебного округа. Развернулась борьба за ректорский пост. М. Н. Крашенинников, временно исполняющий обязанности ректора на правах «старшего декана», стал одним из активных ее участников. И. И. Лаппо крайне негативно воспринимал его действия и писал об этом С. Ф. Платонову: «Дела у нас происходят прямо удивительные. Кр[ашениннико]в делает визиты членам Совета, на которых считает возможным подействовать в пользу своего избрания в ректора. Кому обещан орден, кому ординатура, кому пособие и другие блага! И г.г. профессора принимают его, выслушивают и поддакивают! Я никогда не думал о возможности такого нравственного безразличия, а между тем живу уже 46-й год и немало видел на своем веку разных людей». Он полагал, что подобная ситуация была напрямую связана с политикой министра народного просвещения Л. А. Кассо, которая дала «привычку к известным приемам и уверенность в полном уничтожении из жизни понятия долга и чести, этих вредных вещей с точки зрения покойного министра»²¹. Ситуация усугублялась тем, что после ухода В. Г. Алексеева не был создан совет для избрания ректора и проректора. Борьба за власть в университете накалялась. И. И. Лаппо в числе других профессоров 4 февраля 1915 г. написал на имя М. Н. Крашенинникова прошение о немедленном созыве совета для избрания ректора. С неприкрытым

¹⁷ Особое мнение ординарного профессора М. Крашенинникова. – *Rahvusarhiiv Tartus*, ЕАА, 402.3.938, 13–13р.

¹⁸ Об этой истории см. подробнее: *Бухерт В. Г.* «И гнусная же у нас теперь в Юрьеве атмосфера!»: письма И. И. Лаппо к М. К. Любавскому. 1914–1915 гг. – *Исторический архив*, 2009, № 4, с. 97–103.

¹⁹ *Ростовцев Е. А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет). – Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012, с. 475.

²⁰ *Ковалев М. В.* Профессор Д. Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. – *Российская история*, 2016, № 5, с. 176.

²¹ Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 25 января 1915 г. – ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 3344, л. 17–17об.

раздражением И. И. Лаппо делился с С. Ф. Платоновым: «Раньше Ун[иверсите]ты обращали в клоаку г.г. студенты, а ныне г.г. и и[сполняющие] д[олжность] ректора и про- ректора. Немцы, конечно, посмеиваются, и у них есть для этого основания!»²². Действия профессуры возымели действия. Новым ректором был избран правовец Петр Павлович Пусторослев. Конечно, трудно назвать И. И. Лаппо активным участником общественной жизни. Сам он в 1935 г. в письме к чехословацкому политику Карелу Крамаржу признается: «Живя в России, я был далек от политической жизни, целиком уйдя в научную работу и в академическую деятельность»²³. Но его позицию, бесспорно, можно охарактеризовать как позицию стойкого борца за академические свободы.

В 1912 г. Академия наук поручила И. И. Лаппо исследование и подготовку к публикации Третьего Литовского Статута 1588 г. И. И. Лаппо со свойственным ему воодушевлением принялся за крайне непростую и кропотливую работу. О своей текущей деятельности и грядущих планах он рассказал в письме чешскому историку права Карелу Кадлецу: «Я уже два года действительно работаю над Статутом, которого детальное изучение стало на пути моей исконной работы — изучения организации и строя Великого Княжества Литовского времени после Люблинской Унии 1569 года. Я подошел к вопросу о значении для Княжества “спольного” с Польшею сейма. Статут 1588 года тут играет главнейшую роль, ибо он кодифицирует Литовско-Русское право уже после Унии. Вот почему я и пришел к сознанию необходимости изучения этого кодекса в его источниках. Но прежде всего надо установить его тексты и выяснить вопросы об утверждении Статута»²⁴.

В том же роковом 1914 г. И. И. Лаппо завершил большую статью²⁵, посвященную обстоятельствам утверждения Литовского статута 1588 г., который вступил в силу не по решению польско-литовского «спольного» сейма, а волей великого князя Литовского, короля Польского. Этот случай И. И. Лаппо признал исключительным, и отнюдь не отражающим приниженный статус сейма, как считалось прежде в историографии. Чрезвычайный характер событий увязывался с необходимостью укрепления власти Сигизмунда III, взшедшего на польско-литовский трон в сентябре 1587 г. Статья предназначалась для сборника в честь М. К. Любавского. Издание это вышло в Петрограде в разгар революционных потрясений 1917 г. И. И. Лаппо так и не суждено было подержать книгу в руках, он лишь успел получить от издателей несколько отписок своей работы. В жизнь ученого ворвалась революция.

На основе имеющихся источников невозможно сказать, как воспринял И. И. Лаппо падение монархии в России, приход к власти Временного правительства. Доподлинно известно лишь о его крайне негативном отношении к большевизму. События в Петрограде он мог наблюдать своими глазами, поскольку в конце октября 1917 г. был командирован туда по распоряжению комиссии по научному описанию архива бывшего министерства народного просвещения, его предполагалось перевезти в Москву²⁶.

Вернувшись в Юрьев, он писал оттуда С. Ф. Платонову в начале января 1918 г.: «Чем дальше, тем больше чувствуешь тяжесть своей оторванности от П[етрогра]да...

²² Там же, л. 19об.

²³ Письмо И. И. Лаппо к К. Крамаржу от 24 декабря 1935 г. — Archiv Národného muzea, F. Karel Kramář, Kart. 20, Inv.č. 1147, Lappo Ivan, I. 2—5—1436.

²⁴ Письмо И. И. Лаппо к К. Кадлецу от 4 июля 1914 г. — Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, Fond 321, Kadlec Karel, Kart. 3, Inv.č. 193, Lappo Ivan.

²⁵ *Лаппо И. И.* К вопросу об утверждении Литовского статута 1588 г. — Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917, с. 130—171.

²⁶ Копия письма ректору Юрьевского университета от Комиссариата по просвещению, отдела высших учебных заведений от 20 декабря 1917 г., № 10371. — Rahvusarhiiv Tartus, EAA, 402.3.938, 18—18р.

Знаю, что теперь в П[етрогра]де отчаянно скверно. Неважно становится и у нас, хотя в первое время по приезде можно было в Юрьеве даже отдыхать от обстановки жутки в “колыбели великой русской революции”, как любят выражаться “товарищи”. Улицы чистятся, хлеб был, озлобленных лиц было не видно»²⁷. Но для Прибалтики бурные революционные события отягчались близостью фронта. Развал российской армии вкупе с неспособностью новых властей держать оборону привел к масштабному наступлению Германии и ее союзников в феврале—марте 1918 г. 24 февраля в Юрьев вошли немецкие войска. Уже 7 марта оккупационные власти объявили о закрытии русского университета; учебный процесс было предписано завершить к концу месяца. 22 мая ректор В. Г. Алексеев сдал все университетские печати в городскую управу, а 31 мая состоялось последнее заседание совета²⁸. Вступление немцев в Юрьев И. И. Лаппо встретил с тревожными чувствами. Впоследствии он будет рассказывать С. Ф. Платонову о реальной боязни за свою жизнь и с горечью вспоминать о наступившей «эпохе Ordnung», отмеченной гонениями и унижениями, особенно в отношении интеллигенции. Его поразило поведение балтийских немцев, которые вывели германские имперские флаги и энергично включились в борьбу со всем русским²⁹.

Юрьевская профессура, в своем большинстве отнюдь не питавшая симпатий к большевикам, тем не менее была вынуждена начать переговоры с Советом народных комиссаров. Для этой цели еще в конце марта в Петроград и Москву были командированы профессора Василий Эдуардович Регель и Михаил Егорович Красножен, которым предписывалось ходатайствовать о переводе университета в Воронеж. После долгих обсуждений 11 июня 1918 г. это решение было утверждено Советом народных комиссаров³⁰.

Грядущий отъезд в Воронеж и И. И. Лаппо, и другие представители профессуры ожидали с нетерпением, опасаясь, что немцы оставят их в заложниках в обмен на библиотеку и университетское имущество, уже вывезенное в Россию. Предметом политического торга быть не хотелось, потому даже долгая дорога из Прибалтики в Воронеж в товарных вагонах воспринималась как облегчение. «Восемь дней пути, кажется, были лучшим временем для меня за все последние месяцы», — напишет И. И. Лаппо С. Ф. Платонову об отъезде из Юрьева, состоявшемся 17 июля 1918 г.³¹

В Воронеже И. И. Лаппо столкнулся с жилищными трудностями, но, главное, с политической неопределенностью. Приход большевиков породил практики квартирных уплотнений, бесконечных обысков, выселений, реквизиций. В декабре 1918 г. профессор с отчаянием писал в Петроград своему учителю, что основное здание университета (бывший кадетский корпус) отдано под казармы красноармейцам, именуемых им «троглодитами». По словам ученого, за короткое время они превратили его в отхожее место («комнаты, в которых они спят, и коридоры уже через день оказались и их уборными в буквальном смысле»³²). Интересны и иные зарисовки воронежской жизни, донесенные до нас в письмах историка: «Знаете, мне временами становится

²⁷ Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 6 января 1918 г. — ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 3344, л. 33об.

²⁸ Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы). — Университет и город в России (начало XX века). М., 2009, с. 671–672.

²⁹ Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 28 сентября (11 октября) 1918 г. — ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 3344, л. 36об.

³⁰ Карпачев М. Д. Перемещение университета из Юрьева в Воронеж. — Логос, 2005, № 6(51), с. 264–268.

³¹ Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 28 сентября (11 октября) 1918 г. — ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 3344, л. 37.

³² Письмо И. И. Лаппо к С. Ф. Платонову от 16(29) декабря 1918 г. — Там же, л. 39.

очень жалко бедного Маркса. Что сказал бы он теперь о тех, кто называет себя его адептами. Но в Воронеже есть и еще повод пожалеть его. Во время октябрьских торжеств на площади III-го Интернационала (так теперь именуется Кадетский Пляц) поставили лобастый бюст с большой бородою, заявив, что это бюст Маркса. Стоял он гордо, на эстраде, освещаемый по ночам электричеством и охраняемый солдатом. Но с месяц назад рабочие, во время обучения их военному строю, с непочтительными возгласами свергли “дядьку” с пьедестала, обломали ему нос, а затем разбили»³³.

Несмотря на переживаемые трудности и неопределенность положения, И. И. Лаппо не прерывал работы. Его знания и квалификация оказались востребованы в период создания сети Главархива. Весной 1919 г. он был назначен его уполномоченным в Воронежской губернии, а затем, после создания Губархива 6(19) апреля, стал его заведующим³⁴. И. И. Лаппо предстояла большая работа по учету архивных фондов и предостережению их гибели. Именно он своими неутомимыми усилиями сумел добиться отмены решения Губсовнархоза о принудительной сдаче в утилизацию в течение двух недель государственными и общественными организациями дореволюционного делопроизводства³⁵.

В сентябре 1919 г. войска белых начали наступление на Воронеж, и 17(30) сентября в город вошел корпус А. Г. Шкуро. Продержались белые недолго. Уже 11 октября под напором красных они вынуждены были отступить³⁶. Именно в этот короткий период И. И. Лаппо принял решение оставить город. Насчет даты его отъезда существуют разночтения. В университетской справке, составленной 11 ноября 1919 г., говорится, что профессор 1(14) октября официально уведомил ректора о своем отъезде в Ростов-на-Дону и Харьков по болезни и домашним обстоятельствам сроком на две недели³⁷. Воронежский историк и краевед, директор университетской библиотеки Сергей Николаевич Введенский рассказывал в письме к С. Ф. Платонову, что И. И. Лаппо покинул город 18 сентября 1919 г., после чего ему пришлось взять на себя его курс по русской истории, не считая других предметов³⁸. В любом случае, отъезд ученого пришелся на время господства в Воронеже белых. Следует согласиться с мнением В. П. Мякишева, что причину следует искать в неприятии большевизма и боязни за свою жизнь. Своим поступком он предвосхитил последующее решение 12 других профессоров, покинувших Воронеж вместе с отступающими белыми³⁹. С собой историк смог взять лишь самые важные рукописи — часть личного архива и библиотеку пришлось оставить. Бесследно исчезнувшего профессора усиленно искали — в Ростове-на-Дону, затем в Новочеркасске. Но поиски результатов не давали; о судьбе И. И. Лаппо ничего не было известно. Обрывочные сведения говорили, что его нет в живых. Потому в мае 1920 г. на заседании Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете коллеги специально почтили его память⁴⁰.

³³ Там же, л. 39об.

³⁴ *Мякишев В. П.* И. И. Лаппо — ученый с живым чувством исторической действительности. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки, 2004, № 1, с. 166.

³⁵ *Аленова В. А.* Революция 1917 года и судьба воронежских архивов. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия. История. Политология. Социология, 2018, № 1, с. 32.

³⁶ *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро. — Белое движение. Исторические портреты. М., 2006, с. 263–266.

³⁷ *Мякишев В. П.* Указ. соч., с. 167.

³⁸ Письмо С. Н. Введенского к С. Ф. Платонову от 15 августа 1922 г. — ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2474, л. 1.

³⁹ *Мякишев В. П.* Указ. соч., с. 168–169.

⁴⁰ Протокол заседания Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. — Государственный архив Саратовской области, ф. 407, оп. 2, д. 350, л. 15об.

К счастью, И. И. Лаппо и члены его семьи были живы. После недолгого пребывания в Харькове они стали пробираться на юг, вослед отступавшей белой армии. Конечной точкой скитаний по России стал Новороссийск. Отсюда семье Лаппо в конце марта 1920 г. предстояло эвакуироваться на английском корабле за границу и навсегда покинуть Родину.

Вместе с сотнями других беженцев И. И. Лаппо оказался на греческом острове Лемнос, «стал гостем английского короля», — как говорили в то время. За этим ироничным высказыванием в реальности таилась большая жизненная драма. Остров, который контролировали британские военные, стремительно превратился в бесконечный беженский лагерь с ужасающими условиями. Один из современников красочно описал злключения: «Остров — необитаемый с каменистой почвой и без пресной воды; домов нет, вместо них имеются шалаши, покрытые брезентом и притом промокаемые, где люди спят вповалку ногами вместе, а головы врозь. Пища неизобильна — ½ фунта хлеба в сутки и консервы. Режим — тюремный. Чтобы покинуть Лемнос, нужно чтобы кто-нибудь из властей имущих подал бы в английскую миссию заявление и взял на иждивение какое-либо лицо. Всплеск инфекционных заболеваний. Дети умирают от скарлатины и кори»⁴¹. Для И. И. Лаппо и его семьи пребывание на острове превратилось в тяжелейшее испытание. Он молил своих коллег «извлечь его из этого проклятого места, где люди бедствуют, как они бедствуют везде, где их опекают ...союзники»⁴². В мае 1920 г. он осведомлялся у К. Кадлеца об условиях переезда в «Угорскую Русь», как называл он в письме самый восточный регион тогдашней Чехословакии. О такой возможности И. И. Лаппо услышал еще на Дону, считая автором этой идеи крупного чешского политика и убежденного русофила Карела Крамаржа. Теперь же профессор интересовался условиями работы в крае и попутно рассказывал о своих мытарствах: «Под Советскою властью ужиться не мог: для ученого нет жизни без свободы мысли и свободы научного исследования, а их нет там. Я уже не говорю об ужасах террора и невежестве власти... Если в России прекратится Советская власть, долг каждого русского немедленно вернуться на Родину для работы там. Если же положение не изменится, надо ехать для работы в братскую славянскую страну. Я думаю в таком случае направиться в Сербию»⁴³. Именно этот вариант в итоге и был избран. Летом 1920 г. семья Лаппо переехала на югославянскую землю, обосновавшись в небольшом городке Парачин.

Еще на Лемносе И. И. Лаппо читал лекции по русской истории для детей беженцев и принял на себя обязанности директора Русской гимназии, созданной буквально в полевых условиях. Именно с ней он был эвакуирован в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где ему как руководителю предстояло возобновить учебный процесс. Интересная особенность: И. И. Лаппо в это время продолжал получать денежное пособие от английских властей, поскольку именно они считались ответственными за эвакуацию беженцев. Несмотря на удовлетворительные условия жизни, И. И. Лаппо был лишен возможности научной работы. В Сербии условий для ее продолжения практически не было. Потому он стал искать альтернативные варианты для переезда. 30 июля 1920 г. И. И. Лаппо написал в Софию болгарскому историку Василу Златарскому, которого знал по временам юности. Оба на рубеже 1880—1890-х годов учились сначала в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, а затем — на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. И. И. Лаппо осведомлялся о научной жизни в Болгарии: сможет ли он найти там достаточную библиотеку, радушное

⁴¹ Иваненко А. Правда о Лемносе. — Славянская заря, Прага, № 166, 6.VII.1920.

⁴² Погодиц А. Л. Русская наука за границей. — Славянская заря, № 159, 25.VI.1920.

⁴³ Письмо И. И. Лаппо к К. Кадлецу, 14(27) мая 1920 г. — Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky, Fond 321: Kadlec Karel, Kart. 3, Inv.č. 193, Lappo Ivan.

отношение к русскому ученому и, главное, соответствующую его специальности работе⁴⁴. Неизвестно, что ответил ему В. Златарский, но факт остается фактом: в Болгарию И. И. Лаппо не переехал. Работу в гимназии он считал вынужденной, но подходил к ней крайне ответственно. Своей задачей он считал налаживание полноценного учебного процесса, после чего можно было бы вернуться к исследовательским занятиям. В письме к сербскому коллеге Александру Беличу он признается: «Лично меня выпавшая на мою долю обязанность хлопотать о возобновлении занятий Гимназии в новом месте жительства русских беженцев тяготила и тяготит страшно, ибо я не предприниматель по своим склонностям и способностям. Я научный работник, только силою вещей вынужденный взяться за это дело, как русский человек, болея душой за русских детей, жалких и несчастных, но являющихся будущими поколениями моей Родины и работниками Новой России и Славянства». Открытие гимназии затягивалось, несмотря на поддержку специальной Державной комиссии. В ноябре 1920 г. И. И. Лаппо было поручено изучить возможность переноса гимназии в город Ниш, это предложение пришлось ему по душе. Но в самом конце декабря Державная комиссия предложила рассмотреть варианты размещения ее еще в Лесковаце и Крагуеваце. В эмигрантской среде также не было единства относительно места расположения гимназии. И. И. Лаппо остро переживал свою неспособность сдвинуть дело с мертвой точки и потому в конце января 1921 г. обратился к А. Беличу с просьбой освободить его от обязанностей директора и передать полномочия более деятельному человеку⁴⁵.

Условий для научной работы у него по-прежнему не было. В сентябре 1921 г. в Парачин дошли воодушевляющие вести из Праги: чехословацкое правительство затеяло широкую программу помощи русским эмигрантам. И. И. Лаппо незамедлительно написал К. Кадлецу: «Газеты говорят, что русским студентам будет предоставлено и русское преподавание... Сколько мне известно, я являюсь в русской эмиграции единственным профессором университета, имеющего степень доктора русской истории и старейшим представителем этой кафедры... Преподавание в Праге было бы для меня не только исполнением моего долга перед несчастною русскою молодежью. Оно открыло бы мне возможность и для продолжения моих научных занятий, невозможность которых в Сербии заставляет меня так страдать. Прага так богата научными пособиями по моей специальности; Сербия их, наоборот, не имеет совершенно»⁴⁶. Трудно сказать, помог ли ему К. Кадлец, но И. И. Лаппо был приглашен на профессорскую вакансию.

О «Русской акции» чехословацкого правительства уже написано немало. Потому лишь в общих чертах напомним, что она была направлена на всемерную поддержку русской учащейся молодежи и ученых кругов. Правительство республики назначило И. И. Лаппо жалование в размере 2100 крон и вдобавок к нему выплату в 300 крон на жену⁴⁷. Это были довольно неплохие деньги, учитывая, что прожиточный минимум в 1923 г. составлял 1000 крон в месяц⁴⁸.

⁴⁴ Письмо И. И. Лаппо к В. Златарскому от 30 июля 1920 г. — Научный архив на Българската академия на науките, ф. 9к, оп. 1, а.е. 1613, л. 1–2.

⁴⁵ Письмо И. И. Лаппо к А. Беличу от 21 января (3 февраля) 1921 г. — Архив Српске академије наука и уметности у Београду, Фонд Александра Белића, 14386-III-327.

⁴⁶ Письмо И. И. Лаппо к К. Кадлецу от 14 сентября 1921 г. — Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, Fond 321: Kadlec Karel, Kart. 3, Inv.č. 193, Lappo Ivan.

⁴⁷ Ведомость на выдачу содержания профессорам, доцентам, преподавателям и профессорским стипендиатам, состоящим на вольных вакансиях за декабрь месяц 1923 года. — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 5765, оп. 1, д. 127, л. 17.

⁴⁸ Пара ботинок стоила 80–180 крон, костюм — 200–800, пальто — 250–700, рубашка — 35–100, проезд в трамвае — 1–3. См.: *Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. — Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií — 2). Praha, 1994, s.49.*

И. И. Лаппо постепенно возвращался к научной работе. В 1922 г. в переводе на чешский язык появился его обширный очерк о развитии русской исторической науки от киевского «Синописа» до современности⁴⁹. Это была попытка не просто обозреть эволюцию научной мысли, но отдать дань памяти коллегам. Потому свою работу он заканчивает призывом почтить память умерших в годы революции и Гражданской войны историков – М. А. Дьяконова, П. Н. Жуковича, А. С. Лаппо-Данилевского, графа С. Д. Шереметьева и др. Важно заметить, что работа И. И. Лаппо стала первым обзором русской историографии, изданным на чешском языке.

И. И. Лаппо энергично включился в научно-педагогическую работу. Он считался строгим преподавателем. Ироничное замечание на сей счет проскальзывает в письме академика Н. П. Кондакова к С. А. Жебелеву 3 февраля 1923 г.: «Знаете ли? Я был здесь 1 месяц деканом! Спасал студентов от утеснения со стороны Ястребова и Лаппо!»⁵⁰. Речь шла, видимо, о гуманитарном отделении Высших русских дополнительных курсов в Праге, на которых И. И. Лаппо читал курс русской истории. Он сотрудничал с Русским юридическим факультетом, начавшим свою работу 18 мая 1922 г. В первом семестре профессор прочел курс лекций по русской истории, затем участвовал в работе кружка любителей истории русского права, возникшего осенью 1927 г. и прочел на одном из его заседаний доклад о первом издании Литовского статута 1588 г.⁵¹ Примечательно, что на Русском юридическом факультете завершил свое образование сын ученого – Иван, который также выберет в качестве своей научной специализации историю Великого княжества Литовского, правда, исключительно в историко-правовом аспекте⁵². В Русском педагогическом институте имени Я. А. Коменского, распахнувшем свои двери для студентов 1 августа 1923 г., профессор И. И. Лаппо читал курс «Методика истории»⁵³. Он работал и в Русском народном университете, открывшимся 16 октября 1923 г. и выполнявшим роль публичного лектория. Помимо лекций на привычные для себя темы (как «Малороссия и Белоруссия до вступления в состав России»⁵⁴), он также выступал с сюжетами из истории Чехии и славянства (например, лекции «Возникновение Чехии», «Ян Гус и гуситское движение», «Белая гора»⁵⁵). При чем его деятельность выходила за пределы Праги, охватывая провинциальные города.

И. И. Лаппо был среди 22 ученых, стоявших у истоков создания Русского исторического общества в Праге, и подписавших его Устав 7 апреля 1925 г. Главой объединения стал Е. Ф. Шмурло, на место которого за 20 лет до этого И. И. Лаппо пришел в Юрьевский университет⁵⁶. Он оставил свой след и в работе Русского института

⁴⁹ *Lappo I. I. Nástin vývoje ruské historické vědy. – Český časopis historický, 1922, roč. XXVIII, seš. 1–2, s. 109–156; seš. 3–4, s. 364–420.*

⁵⁰ Письмо Н. П. Кондакова к С. А. Жебелеву от 3 февраля 1923 г. – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 729, оп. 2, д. 168, л. 142об.

⁵¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. Прага, 1927, с. 42; Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1927–1928 учебный год. Прага, 1927, с. 20.

⁵² *Lappo I. I., мл.* Рекуператорный владельческий иск в литовском праве конца XVI столетия. Прага, 1933.

⁵³ Список преподавателей Русского педагогического института имени Яна Амоса Коменского. – Národní archiv ČR, f. Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce, kart. 112, inv.č. 84.

⁵⁴ Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1925–1926 учебный год. Прага, [б.г.], с. 23.

⁵⁵ Русский народный университет в Праге: отчет о деятельности за 1924–1925 учебный год. Прага, [б.г.], с. 14.

⁵⁶ Устав Русского исторического общества в Праге. – Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 257, л. 1об.; *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945). – *Российская история*, 2011, № 5, с. 149.

в Праге, созданного по решению Второго съезда русских академических организаций в Праге 16 октября 1922 г. для поддержания ученых-эмигрантов, а также русско-чехословацкого интеллектуального сближения. Вместе с В. А. Францевым и А. А. Кизеветтером 24 мая 1926 г. он участвовал в памятном собрании в честь Ф. Палацко-го⁵⁷. Обратим внимание и на его доклад 14 декабря 1926 г. на вечере в честь 160-летия Н. М. Карамзина, в котором знаменитый писатель и историк был представлен еще и крепким государственным деятелем. Вывод И. И. Лаппо был эмоционален и навеян не столько карамзинским творчеством, сколько социальным опытом последних лет: «Только эволюция, при сохранении законной, т.е. исторической государственной власти, а не ее разрушение, обеспечивает народу его развитие и благо»⁵⁸.

С именем И. И. Лаппо связана и подготовка молодых научных кадров. Можно говорить о его участии в научной карьере двух эмигрантских историков – Сергея Германовича Пушкарева и Мстислава Вячеславовича Шахматова. С. Г. Пушкарев оказался особенно близок ему, и в дальнейшем их пути будут тесно связаны. Под руководством И. И. Лаппо начинающий историк готовился к магистерским испытаниям, по итогам которых 5 декабря 1924 г. был удостоен звания приват-доцента. Причем одна из двух обязательных к прочтению квалификационных лекций носила название «Эволюция власти великого князя Литовского в XV–XVI вв.», что было явной данью учителю⁵⁹.

И. И. Лаппо и С. Г. Пушкарев оказались соседями, после возведения в Праге знаменитого «Профессорского дома» на Бучковой улице, предназначавшегося для ученых-эмигрантов. Оба они стояли у истоков создания школы для русских детей, которая располагалась на первом этаже этого дома. Жившие там ученые обеспечивали высокий уровень преподавания русского языка и литературы, истории и географии России, закона Божьего, т.е. тех предметов, которым не обучали в чехословацких учебных заведениях. Патроном школы была Н. Н. Крамарж, жена видного политического деятеля, первого премьер-министра Чехословакии К. Крамаржа⁶⁰. После переезда И. И. Лаппо в Литву, о котором речь пойдет далее, С. Г. Пушкарев заменит своего наставника на посту директора школы.

Относительно достойное материальное положение давало И. И. Лаппо возможность ездить в научные командировки, не считая поездок на эмигрантские конференции и съезды. Так, летом 1926 г. он побывал в Софии для работы в библиотеках⁶¹, а летом 1928 г. впервые после долгой разлуки посетил Прибалтику. Впечатления о своей поездке он изложил в письме к Н. Н. Крамарж: «Во время поездки видел много родного... богатство русской культуры, которое было нами оставлено в “лимитрофах”, и которое дало им возможность начать теперь свою государственную жизнь... В Юрьеве

⁵⁷ Русский институт в Праге [афиша]. – Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ), ф. 1355, оп. 1, д. 261, л. 2; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice, t. I. Praha, 2000, s. 239; Ковалев М. В. Русский институт в Праге (1922–1938 годы). – Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История, филология, 2017, т. 16, № 1, с. 126.

⁵⁸ Лаппо И. И. Н. М. Карамзин и его государственные идеи. – Россия, Париж, № 14, 26.XI.1927, с. 7.

⁵⁹ Письмо И. И. Лаппо в Историко-филологическое отделение Русской учебной коллегии от 26 июля 1922 г. – Národní archiv ČR, f. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČR, inv.č. 125/1; Ковалев М. В. Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1894). – Новая и новейшая история, 2015, № 3, с. 164–165.

⁶⁰ Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006, с. 443.

⁶¹ Письмо И. И. Лаппо к В. Златарскому от 26 июля 1926 г. – Научный архив на Българската академия на науките, ф. 9к, оп. 1, а.е. 1838, л. 1–2.

встретил многих, кто помнит меня и мою там работу... Во многом... видел, что работал там не впустую. Но удаление всех русских вывесок и надписей с улиц и тому подобные проявления боязни выявления связей с Россией! А эти связи пока крепки, несмотря ни на что. Русский язык всюду на улицах и в магазинах. Им владеют все поколения, кроме самого последнего, которое искусственно удерживают от русского языка, изгоняя его из школы. Имущество мое, конечно, разворовано в большей части... Но я отношусь к этому совершенно спокойно — потеряв и не возвратив еще себе Россию, трудно думать об утрате каких-то столов и стульев»⁶².

Первая мировая война и крах империй породили не только перекройку границ, но и всплеск национализма, расцвет идеологии «крови и почвы», представлений об этнической исключительности, оголтелой нетерпимости. В научном плане это породило поиск мифических корней и конструирование националистических нарративов. Русский историк с огромной и нескрываемой тревогой следил за этими процессами. Показательны его размышления, высказанные им Н. Н. Крамарж после поездки на съезд Русских академических организаций в Софию в 1930 г. И. И. Лаппо отметил необычайно теплый, радушный прием со стороны болгар, который глубоко тронул его, их бескорыстные деяния по сохранению памяти о героях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но он не мог оставить в стороне проявления национализма, а потом задавался вопросом о причинах распри между балканскими народами: «Разве ненависть к сербам не является всенародною ненавистью болгар?... Разве эта ненависть к сербам не является угрозой для целого славянства в случае нового напора на него германской стихии в соединении с превратившимися из прежних макарон в воинствующих шовинистов итальянцами? Мысли тяжелые, но от них избавиться трудно. Тяжелые, как тяжела вся наша современная действительность, с ее лживостью, поверхностностью, продажностью, нежеланием смотреть дальше сегодняшнего дня, неуважением и даже враждою к людям, ясно понимающим нависшие опасности над родным народом и требующим готовности к борьбе с ними»⁶³. Можно, конечно, списать подобные чувства на влияние идей славянской взаимности, впитанные им еще в детские и юношеские годы на открытых собраниях Петербургского славянского благотворительного общества, где он видел и слышал И. С. Аксакова, М. О. Кояловича, графа Н. П. Игнатьева. И все же назвать его панславистом трудно, хотя известная доля славянского идеализма в нем присутствовала. Его страх перед нараставшим в Европе национализмом — это страх человека, ставшего свидетелем глобальных исторических потрясений, которые нанесли серьезный удар по вере в общественную эволюцию и прогресс.

Тревожные раздумья отражались на научном творчестве, сближали его с современными проблемами. Достаточно взглянуть на книгу «Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом», вышедшую в 1924 г. в Праге. Повторяя свой тезис о том, что западные губернии, отошедшие к России после разделов Речи Посполитой, никогда не были польскими ни исторически, ни этнографически, И. И. Лаппо фокусирует внимание не столько на прошлом, сколько на настоящем. Историк подчеркивает, что и русское общество, и русское правительство не интересовались должным образом историей составных частей империи. История России сводилась к истории «великороссов» и истории Московского государства, Западная Россия оставалась в тени. Степень единства населения осознавалась недостаточно⁶⁴. И. И. Лаппо критиковал действия правительства, которое на протя-

⁶² Письмо И. И. Лаппо к Н. Н. Крамарж от 5 августа 1928 г. — Archiv Národního muzea, f. Karel Kramář, kart. 20, inv.č. 1147, Lappo Ivan. I. ANM 2–5–1421.

⁶³ Письмо И. И. Лаппо к Н. Н. Крамарж от 8 октября 1930 г. — Ibid., ANM 2–5–1427–1428.

⁶⁴ *Lappo И. И.* Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924, с. 11.

жении десятилетий не хотело обращать должного внимания на западные губернии, между тем их особое историческое прошлое должно было бы диктовать и особый политико-административный курс в их отношении. Но этого сделано не было.

Еще большей злободневностью была пропитана брошюра об украинском национальном движении. И. И. Лаппо задавался вопросом, который дословно можно повторить и сегодня: «Откуда же взялась в идеологии современного украинства страшная, непримиримая ненависть к России и русскому народу, стремление во что бы то ни стало доказать полную этнографическую особность “украинского народа” от народа русского и требования отделения его от общего с русским народом государства?»⁶⁵. Истоки этой идеологии он искал в польской национальной идее, а также в последующей политике Австро-Венгрии, которая, из опаски пророссийского движения поддерживала украинский национализм. И. И. Лаппо не отказывал Украине в специфике, видя ее, например, в свободолюбии казачества, но при этом он неизменно подчеркивал тесную и неразрывную культурную связь с Россией, которую, по его мнению, не отрицали даже такие поборники самостийности, как Н. М. Костомаров и М. П. Драгоманов. Современное украинское движение для него — не столько национальное, сколько политическое, идеологическое, активно эксплуатирующее искусственные исторические конструкции.

Даже изучение государственно-правовых отношений Великого княжества Литовского и Польши неожиданно наполнились для ученого новым содержанием. Хотя крушение Российской империи стало для И. И. Лаппо личной трагедией, он все же с симпатией относился к становлению и развитию независимой Литвы. Но одновременно независимость получила и Польша, не скрывавшая территориальных притязаний к соседям. Так в октябре 1920 г. войска польского генерала Люциана Желиговского захватили Вильнюс, который был провозглашен центром нового государства — Срединная Литва. И. И. Лаппо пристально следил за развитием событий и 6 мая 1921 г., еще находясь в Сербии, написал письмо президенту Литвы Антанасу Сметоне, в котором выврался официально доказать необоснованность польских действий. В июне Миколас Слежявичюс, председатель Учредительного сейма, ответил ему и попросил составить официальный меморандум об исторических правах Литвы на независимость и на обладание Вильнюсом⁶⁶. Ход дальнейших событий хорошо известен — попытки дипломатического урегулирования спора под контролем Лиги наций успехом не увенчались. В конце марта 1922 г. Срединная Литва была включена в состав польского государства на правах автономного Виленского воеводства. Лига наций была вынуждена смириться со свершившимся фактом. Литва же его не признала.

Эта история впервые свела И. И. Лаппо с официальными литовскими кругами. В 1926 г. он по переписке познакомился с литовским историком Игнасом Йонинасом, который консультировался с ним по вопросу о Михалоне Литвине, дипломате XVI в. и авторе трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян». Литовский коллега выразил заинтересованность в институциональном сотрудничестве И. И. Лаппо с университетом в Каунасе, публикациях и книгообмене. С 1928 г. в контакты с русским профессором войдет другой видный историк — Августинас Янулайтис. Эти связи укрепятся, когда летом 1928 г. И. И. Лаппо поедет в Прибалтику и посетит Каунас. Живя в Праге, профессор поддерживал отношения с литовским посольством, которое служило посредником в его сношениях с властями республики. Помогая литовским студентам и стажерам, познакомился с историком Адольфасом Шапокой — одной из

⁶⁵ Лаппо И. И. Происхождение украинской идеологии новейшего времени. Ужгород, 1926, с. 12.

⁶⁶ Ragauskas A. Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva. — Lietuvos istorijos metraštis, 1993, № 7, p. 82–83.

главных фигур в исторической науке межвоенной Литвы. Но все же именно И. Йони-нас, выпускник Московского университета, ставший теперь видным общественным и политическим деятелем, при этом не порвавшим с ремеслом ученого-историка, выступал главным покровителем И. И. Лаппо. Уже с конца 1920-х годов его работы стали появляться в местной печати⁶⁷.

Профессиональные интересы И. И. Лаппо совпали с желанием молодой прибалтийской республики пригласить на работу квалифицированные научные кадры, тем более что Литовский университет, открытый в 1922 г., остро нуждался в них. На протяжении 1920-х годов его руководство подыскивало кандидата на должность профессора по кафедре истории Литвы. В 1926 г. Совет факультета гуманитарных наук начал переговоры с жившим в Праге И. И. Лаппо. Правда, приглашение историка в 1927 г. не состоялось по финансовым причинам, из-за сокращения бюджета гуманитарного факультета. Но и сам И. И. Лаппо еще сомневался в необходимости своего переезда: «Говоря о моем визите в Каунас, должен признать, что в настоящее время не уверен в его надобности для Литвы»⁶⁸.

19 декабря 1931 г. скончался профессор Йонас Ичас, оставив вакантной кафедру истории Литвы. Университету требовался новый специалист, и И. Йонинас видел таковым И. И. Лаппо. Тот согласился, но Совет факультета после обсуждений отвел его кандидатуру в силу пожилого возраста, отсутствия гражданства, незнания литовского языка. Однако официального ответа профессор не получал. Тогда в июне он написал напрямую президенту А. Сметоне, который два года назад во время пребывания в Праге высказал мысль о желательности приглашения профессора в Литву. Глава государства письмо получил и потребовал выяснить, почему гуманитарный факультет отказал И. И. Лаппо. Но даже высокое вмешательство не разрешило ситуации — университет был автономен и своего решения не изменил. Вопрос о приглашении профессора стал рассматриваться на высшем уровне. Министр просвещения Константинас Шакенис в декабре 1932 г. просил Кабинет министров выделить для И. И. Лаппо вакансию и пригласить его на работу для помощи начинающим историкам, а также для подготовки научного издания Литовского статута 1588 г. На этот раз решение было утверждено, И. И. Лаппо получил извещение о своем причислении к Министерству просвещения с жалованием ординарного профессора в размере 900 литов в месяц и с возможностью получать 100 литов за еженедельные лекции. 27 января 1933 г. Совет гуманитарного факультета тайным голосованием утвердил И. И. Лаппо в должности и поручил ему чтение курсов по истории Литвы. В феврале он приехал в Каунас и в начале марта приступил к работе⁶⁹. Вероятно, отъезд историка из Праги объяснялся экономическим кризисом и резким сокращением помощи русской эмиграции со стороны чехословацких властей. Но нельзя сбрасывать со счетов иной мотив — Литва готова была предоставить И. И. Лаппо условия для завершения работы по изданию Литовского статута 1588 г., начатой еще в 1912 г.

Первоначально И. И. Лаппо вместе с семьей жил на съемной квартире, пока не принялся за постройку собственного дома. По словам А. Рагаускаса, это решение свидетельствовало о твердом намерении ученого остаться в Литве. В 1935 г. он подал заявление на получение гражданства, однако оно было удовлетворено лишь 20 мая 1939 г.⁷⁰

⁶⁷ Лаппо И. И. К вопросу о первом издании Литовского Статута 1588 г. — *Tauta ir žodis*, 1928, t. V, p. 170–214.

⁶⁸ Ласинкас П. Русские историки-эмигранты в Литве. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике, т. IX, с. 421.

⁶⁹ Там же, с. 424–425.

⁷⁰ *Ragauskas A.* Op. cit., p. 85.

Жизнь в прибалтийской республике казалась семье историка гораздо более благоустроенной и спокойной, нежели в Праге.

В материальном плане жизнь И. И. Лаппо в Каунасе была лучше, чем в Праге. Но там не было нужных ему библиотек, о чем он с горечью сообщал в Софию В. Златарскому⁷¹. По иронии судьбы, главнейшие документальные памятники и редкие издания по истории Литвы находились в Варшаве, Львове, Вильнюсе, Москве, Ленинграде. Путь на Родину для И. И. Лаппо был закрыт, натянутые польско-литовские отношения не давали возможности работать в Польше. Потому он искал посредников, готовых ему помочь. Например, в октябре 1937 г. обращался напрямую к литовскому послу в Москве Юргису Балтрушайтису, известному поэту «серебряного века», с просьбой организовать фотоснимки титульных листов изданий Литовского статута 1588 г.⁷²

Работа в университете приносила историку большое удовлетворение. Он читал специальные курсы «Внутреннее устройство Литовского государства накануне Люблинской унии и позднее», «Эпоха Витовта Великого», «Господская челядь Великого княжества Литовского», «Князья и вельможи древнего Великого княжества Литовского», «Система управления Древней Литвы», «Восток и Запад в истории и культуре Литвы» и др. «Дела мои идут по-старому, — сообщал И. И. Лаппо С. Г. Пушкареву в апреле 1935 г. — В Университете, по-видимому, студенты и студентки ко мне все более привыкают. Вы знаете, что я читаю по-русски. Несмотря на то, что молодежь здешняя в общем мало владеет русским языком, у меня, слава Богу, образовалась своя по составу аудитория, которая ко мне относится так же, как и мои старые студенты Воронежа, Праги и Юрьева. Стали уже брать у меня темы для дипломных работ, а также обращаться ко мне с вопросами для своих специальных занятий. Но, разумеется, доступны мои лекции и по содержанию, и по языку только студентам и студенткам лучшим, специально занимающимся историей Литвы»⁷³. Вероятно, это стало причиной того, что у И. И. Лаппо не оказалось прямых литовских учеников. Лишь Йоне Девейките можно, с некоторыми оговорками, причислить к ним. И. И. Лаппо, как и многим иным эмигрантам, пришлось испытать последствия лингвистической травмы, возникшей в результате столкновения с новой языковой средой⁷⁴. Он не знал литовского языка и, в отличие от работавших вместе с ним русских коллег Л. П. Карсавина, П. П. Гронского, В. Э. Сеземана, так его и не выучил. Скорее всего, тому мешал преклонный возраст ученого. И. И. Лаппо не раз сетовал, что его студенты не могли отвечать на экзамене по-русски. Лингвистический фактор был одной из причин отстраненности ученого от литовской жизни. Он признавался своему коллеге В. А. Францеву: «В местную жизнь не вхожу. Ее волнения идут мимо»⁷⁵. Историк Зенонас Ивинскис иронично замечал, что на защите докторской диссертации А. Шапоки русский профессор ничего не понимал и поэтому высоко оценил его исследование⁷⁶.

⁷¹ Письмо И. И. Лаппо к В. Златарскому от 26 декабря 1933 года (10 января 1934 года). — Научный архив на Българската академия на науките, ф. 9к, оп. 1, а.е. 2363, л. 1.

⁷² Письмо И. И. Лаппо к В. А. Францеву от 19 марта 1938 г. — Literární archiv Památníku národního písemnictví, Fond V. A. Francev, 129/42. 2/E/4, Lappo Ivan.

⁷³ Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкареву от 19 апреля 1935 г. — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 5891, оп. 1, д. 184, л. 320б.

⁷⁴ См. об этом явлении: *Ковалев М. В.* Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920–1930-е гг. — *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008.* Praha, 2009, s. 273–279; *его же.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012, с. 84–95.

⁷⁵ Письмо И. И. Лаппо к В. А. Францеву от 3 декабря 1937 г. — Literární archiv Památníku národního písemnictví, fond V. A. Francev, 129/42. 2/E/4, Lappo Ivan.

⁷⁶ *Ragauskas A.* Op. cit., p. 85.

Главным итогом научной деятельности И. И. Лаппо в Литве стало завершение многолетней работы над изданием Литовского статута 1588 г. Конечно, оно стало возможным лишь потому, что историку удалось вывезти за границу значительный объем рабочих материалов. Труды И. И. Лаппо были высоко оценены. 16 февраля 1938 г. указом президента республики он был награжден орденом Гедимина третьей степени, чего до этого не удостоивался ни один иностранный историк. Несмотря на то, что И. И. Лаппо активно писал и публиковался, следует согласиться с мнением А. Рагаускаса, что в его эмигрантских работах мы не найдем никаких новых идей. Это лишь популяризация старых концепций и их адаптация для литовских читателей⁷⁷. Он повторял свое прежнее мнение, что Великое княжество Литовское нельзя считать «органической частью Польши, ни по ее культуре, ни по ее государственно-правовому положению»⁷⁸. Люблинскую унию 1569 г. он, как и прежде, трактовал как компромисс польских и литовско-русских требований, которая заключала в себе начала унитаризма и федерализма⁷⁹. Следовательно, ни о какой инкорпорации Литвы речи быть не может. Этот особый ее статус был подтвержден Литовским статутом 1588 г. и «*Socoequatio iurium*» 1697 г.⁸⁰

С одной стороны, своими работам И. И. Лаппо пытался развеять устоявшиеся историографические мифы, а с другой — его научные выводы ложились на благодатную почву нового национального мифотворчества, буйным цветом расцветавшего в межвоенной Европе. Так, в феврале 1935 г. по просьбе русских эмигрантских организаций И. И. Лаппо в Каунасе выступил с публичной лекцией о взаимоотношениях Литвы и Польши, в которой в популярной форме излагал свои идеи. Лекция прошла при высоком интересе со стороны публики. Но присутствовавшие на ней журналисты «увлеклись настолько, что написали, будто бы вообще никакой унии между Литвою и Польшею и не существовало никогда... Пришлось написать опровержения... Пришлось написать полный текст всей лекции и отдать его в один из литовских ежемесячников»⁸¹. В Литве 1920–1930-х годов интерес к прошлому, особенно к великокняжескому периоду, был велик. Замечено, что образы литовских правителей, с их несомненными военными успехами и территориальными приращениями «позволяли преодолевать комплексы неполноценности очень ограниченной географически и слабой на международной арене страны в межвоенный период»⁸². Идеи И. И. Лаппо вполне вписывались в этот культурный контекст. По мысли историка, именно князь Витовт «могучею и искусною рукою поставил Великое Княжество Литовское на его исторический путь всего последующего времени, на путь стойкой, постоянной и умелой защиты и охраны своих государственных прав и значения от покушений на них со стороны Польши»⁸³. Историческое наследие Витовта заключалось в идее самостоятельности Великого княжества Литовского, его защиты от польских притязаний.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 86.

⁷⁸ *Лаппо И. И.* Литовско-Русское государство в составе Речи Посполитой. — Научные труды Русского народного университета, т. II. Прага, 1929, с. 65.

⁷⁹ *Лаппо И. И.* Литовско-Русское государство и Польша в XVII столетии. — Труды IV съезда Русских академических организаций за границей, ч. 1. Белград, 1929, с. 143.

⁸⁰ *Лаппо И. И.* Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. — Записки Русского научного института в Белграде, вып. 1. Белград, 1930, с. 53–67.

⁸¹ Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкиреву от 18 февраля 1935 г. — ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 184, л. 30.

⁸² *Ченайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы. — Український історичний збірник, вип. 16. Київ, 2013, с. 373.

⁸³ *Лаппо И. И.* Витовт и Литовско-Русское государство. — Труды V съезда Русских академических организаций за границей, ч. 1. София, 1930, с. 403–404.

Наследие же Ягайло означает польскую программу полного и бесповоротного подчинения⁸⁴. Такие взгляды хорошо соотносились с едва ли не официально утвержденным в межвоенной Литве культом Витовта Великого, укрепившимся в 1930 г. в 500-летнюю годовщину смерти князя⁸⁵. Если в дореволюционной России антипольские мотивы творчества И. И. Лаппо сходились с официальным имперским дискурсом, то они же поразительным образом оказались востребованы в независимой Литве. Некоторые исследователи даже говорят о прямом влиянии идей И. И. Лаппо на творчество А. Шапоки, одного из главных творцов национальной историографии⁸⁶. Вопрос этот требует осторожности и нуждается в более детальном прояснении. Думается все же, что этноцентрическое устремление А. Шапоки «найти литовцев» в литовской истории вряд ли могло совпасть с представлениями И. И. Лаппо о литовско-русском характере Великого княжества. К тому же концепция литовского ученого развивалась в противовес и российской, и польской историографии⁸⁷. Пока же следует лишь скромно отметить, что в подготовленной под редакцией А. Шапоки «Истории Литвы» труды русского профессора присутствуют в указателе литературы⁸⁸.

И. И. Лаппо не порывал с русской Прагой и душой оставался в ней, продолжал интересоваться жизнью своих друзей и коллег. В письме к В. А. Францеву признавался, что Прагу вспоминает постоянно, что слушает каждый день пражское радио, что тянет туда, но выехать трудно⁸⁹. В ноябре 1934 г. М. В. Шахматов и С. Г. Пушкарёв рекомендовали своего учителя в члены-корреспонденты недавно созданного Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете, говоря о нем как об авторе «ряда выдающихся трудов по истории Литовско-Русского государства, который и ныне продолжает вести активную научно-исследовательскую работу»⁹⁰. Это решение встретило поддержку многих коллег. Такое почтение и благодарная память тронули И. И. Лаппо, в письме к А. В. Флоровскому он признается: «Внимание это принесло мне большую радость, радость старика, которого жизненное дело встретило сочувствие не только его сотоварищей по науке, но и добрых людей, пожелавших порадовать его своим приветом... Для нас, научных работников, осталось прежним наше служение науке, как бы не переменялась обстановка нашей работы»⁹¹. В то же время эмигрантская среда все больше заставляла разочаровываться.

Большим потрясением для И. И. Лаппо стало убийство в Марселе югославского короля Александра I Карагеоргиевича 9 октября 1934 г. В письме баронессе Марии Дмитриевне Врангель он признавался, что «впечатление страшного злодеяния

⁸⁴ Схожим противопоставлением и историческим ретроспективизмом некогда была отмечена статья коллеги И. И. Лаппо по «русской Праге» — Г. В. Вернадского, который соотносил значение для русской истории Александра Невского и Даниила Галицкого. См.: *Вернадский Г. В.* Два подвига Св. Александра Невского. — *Евразийский временник*, 1925, кн. 4, с. 318–337.

⁸⁵ *Viliūnas G.* Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje. — *Lietuvos atgimimo istorijos studijos*. Т. 17. Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.). Vilnius, 2001, p. 68–102.

⁸⁶ *Lasinskas P.* Istorijos mokslas Vytauto Didžiojo universitete 1922–1940 metais. Vilnius, 2004, p. 109.

⁸⁷ *Selenis V.* Adolfa Šapoka ir nepriklausomos Lietuvos istorijos mokslo programa «Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje». — *Istorija: Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai*, t. 71. Vilnius, 2008, p. 13–21.

⁸⁸ *Lietuvos istorija*. Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936, p. 681–683.

⁸⁹ Письмо И. И. Лаппо к В. А. Францеву от 3 декабря 1937 г. — *Literární archiv Památníku národního písemnictví*, fond V. A. Francev, 129/42. 2/E/4, Lappo Ivan.

⁹⁰ Письмо в Правление Русского научно-исследовательского объединения в Праге от 16 ноября 1934 г. — *Archiv hlavního města Prahy*, fond 754: Svaz ruských akademických organizací v zahraničí.

⁹¹ Письмо И. И. Лаппо к А. В. Флоровскому от 15 ноября 1934 г. — *Архив РАН*, ф. 1609, оп. 2, д. 272, л. 4.

в Марселе лишало сколько-нибудь спокойной мысли и возможности писать»⁹². О том же он говорил в послании к чехословацкому историку Ярославу Бидло, назвав марсельское убийство «ужасным и омерзительным злодеянием», которое лишило «возможности спокойной мысли»⁹³. И. И. Лаппо имел возможность познакомиться с югославским королем лично осенью 1928 г. во время съезда русских ученых в Белграде. Тогда, 22 сентября, состоялась торжественная аудиенция у Александра, и в тот же день И. И. Лаппо среди группы российских профессоров был удостоен Ордена Святого Саввы третьей степени⁹⁴. В глазах русских изгнанников король Александр выступал как верный друг России и покровитель эмиграции. Для И. И. Лаппо он был одной из знаковых фигур в истории современного славянства наряду с чехословацким политиком К. Крамаржем.

Поначалу И. И. Лаппо верил, что европейским странам удастся избежать войны. Он приветствовал начало нормализации отношений Польши с Литвой в марте 1938 г.: «С Польшею у нас восстанавливаются диплом[атические] сношения. Но при ознакомлении более или менее широких кругов Польских с теперешнею Литвою, их, конечно, ждет разочарование. Привычной им Litwy уже не существует. Но, если проживем, то, даст Бог, увидим, какие перемены в местной жизни могут произойти. Но Совдепия, разумеется, едва ли довольна»⁹⁵. Мюнхенское соглашение и последующая печальная судьба Чехословакии взволновали И. И. Лаппо. В ноябре 1938 г. он написал В. А. Францеву в Прагу: «Вместе с Вами переживал эти события, хватая газеты и часами слушая радио из различных стран. Ведь с Прагою я сжился за долгие годы жизни в ней, и она стала для меня родною. Болею душою и за наших единоплеменников, живущих в Чехословакии, боясь ухудшения в их положении. Но сколько зла может сделать стране и народу недостойный человек, который окажется во главе их! И Вы, и я постоянно чувствовали, что безумная политика Бенеша до добра не доведет»⁹⁶.

Продолжал он интересоваться и событиями на Родине, тем более что СССР находился в непосредственной близости: «Не так давно прибыла в Ковну партия литовцев, находившихся в Соловках и других местах заключения. Выпустили их в обмен на коммунистов, сидевших в тюрьме... Приехали измученные и истомленные всем пережитым. Любопытно, что коммунисты, которых сплавляли из Литвы в Совдепию, не только не были рады освобождению из тюрьмы, но, наоборот, выражали свою печаль по поводу отправки их в коммунистический “рай”»⁹⁷.

Тяжесть переживаемых событий в купе со стремлением подвести итог жизни увидели его в прошлом. Он все больше рефлексировал, все больше вспоминал безвозвратно ушедшее прошлое, в памяти оживали образы друзей и коллег, даровавшие ему душевный покой и ностальгическую гармонию.

Летом 1940 г. И. И. Лаппо стал свидетелем начавшейся советизации Прибалтики. 3 августа 1940 г. Литва была включена в состав СССР. Одним из прямых последствий стала перестройка местной высшей школы по советскому образцу. В короткий срок

⁹² Письмо от 14 октября 1934 г. — Hoover Institution Archives. Stanford University, Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915–1944, Box 17, Folder 4.

⁹³ Письмо И. И. Лаппо к Я. Бидло от 18 октября 1934 г. — Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, fond 258: Bidlo Jaroslav, kart. 5, inv.č. 380, Lappo Ivan.

⁹⁴ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929, с. 11; Письмо А. А. Кизеветтера родным от 6.IX.1928. — ОР РГБ, ф. 566, оп. 28, д. 54, л. 17.

⁹⁵ Письмо И. И. Лаппо к В. А. Францеву от 19 марта 1938 г. — Literární archiv Památníku národního písemnictví, fond Francev V. A. 2/E/4.

⁹⁶ Письмо И. И. Лаппо к В. А. Францеву от 26 ноября 1938 г. — Ibidem.

⁹⁷ Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкиреву от 24 декабря 1933 г. — ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 184, л. 15.

была ликвидирована университетская автономия, закрыты некоторые гуманитарные издания, под контроль поставлена научная деятельность. В декабре 1940 г. факультеты гуманитарных наук и права были переведены из Каунаса в Вильнюс. И. И. Лаппо не собирался переезжать из своего дома в новую столицу и предполагал ездить на лекции раз в неделю по железной дороге. Новые власти старого профессора по счастливой случайности не тронули, в отличие от многих представителей литовской интеллигенции. С приходом новых властей материальное положение И. И. Лаппо ухудшилось. Если раньше он получал жалование от Министерства просвещения, то теперь был переведен на полексионное вознаграждение в размере 30 рублей, были национализированы его банковские вклады. Дом не был реквизирован, но в одну из его комнат были подселены жильцы.

В Литве семья Лаппо встретила начало Великой Отечественной войны. 23 июня 1941 г. немцы захватили Каунас, а на следующий день – Вильнюс. Немецкая оккупация еще более ухудшила положение профессора. Он уже не имел возможности ездить на лекции из Каунаса в Вильнюс, так как все железнодорожное сообщение было подчинено военным нуждам. Вместо поездов были пущены автобусы, которые простаивали в пути по 6–8 часов даже во время суровых морозов. Для старого человека такие поездки были уже неприемлемы, и он остался без заработка. В ноябре 1941 г. он был отправлен на пенсию. Но денег не хватало. Лишь в марте 1942 г. И. И. Лаппо был назначен ассистентом Института права экономики, правда, уже 11 мая был уволен. В июле 1944 г. И. И. Лаппо вместе с женой и сыном выезжают из Каунаса в Дрезден. Они не собирались задерживаться в Германии, а направлялись в Прагу, где у них сохранялась квартира в «Профессорском доме», и где жили друзья и коллеги. 11 июля 1944 г. профессор попросил С. Г. Пушкарева, чтобы Русская ученая академия похлопотала о получении для него права на въезд в Протекторат Богемии и Моравии⁹⁸. Ждать пришлось долго, а в итоге был получен отказ. 6 октября 1944 г. И. И. Лаппо написал в Прагу, что Фонд Александра Гумбольдта назначил ему 6-месячную стипендию в размере 400 марок для продолжения исследований по истории литовско-польских отношений. Сам ученый с просьбами в фонд не обращался и полагал, что это сделали за него коллеги⁹⁹. Но продолжить работу не удалось. И. И. Лаппо так и не позволили выехать из Дрездена, и это решение оказалось роковым в его судьбе. Он погиб вместе со своей семьей во время одной из бомбардировок Дрездена союзниками в декабре 1944 г.

Известие о гибели профессора стало ударом для всех его пражских коллег. 4 февраля 1945 г. они собрались на заседании Русского исторического общества, чтобы почтить его память. Священник Михаил (Васнецов) отслужил панихиду по покойному. Затем с докладами выступили председатель общества П. А. Остроухов («Краткая биография профессора И. И. Лаппо») и профессор-химик В. И. Исаев («О деятельности И. И. Лаппо как члена правления Русских академических организаций за границей»). Заключительную речь «Профессор И. И. Лаппо как историк» было поручено произнести С. Г. Пушкареву, человеку, который как никто другой знал покойного, считал себя его учеником и всегда дорожил дружбой с ним¹⁰⁰.

Фигура И. И. Лаппо занимает особое место и в российской, и в литовской историографии. Далеко не все его выводы выдержали испытание временем, многое подверглось справедливой критике. Тем не менее его исследованиям по сей день непросто найти аналоги по степени охвата первоисточников. Еще до революции он

⁹⁸ Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкареву от 11 июля 1944 г. – Там же, л. 86–86об.

⁹⁹ Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкареву от 6 октября 1944 г. – Там же, л. 96–97.

¹⁰⁰ Протокол Исторической секции от 4 февраля 1945 г. – Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 278, л. 14.

проделал громадную и кропотливую работу в архивах разных городов, которая позволила заложить прочный фундамент на последующие десятилетия. Он был превосходным источниковедом и археографом, что позволяло реализовывать большие научные и издательские проекты, вроде издания Литовского статута 1588 г. Показательно, что со времен предреволюционных археографических работ И. И. Лаппо ни одна из книг Литовской метрики не была издана¹⁰¹. К сожалению, многие современные работы, несмотря на глобализм интеллектуальных притязаний и кем-то закрепленный статус бестселлеров, оставляют в стороне архивную работу. Пример тому — книга популярного ныне на части постсоветского пространства Тимоти Снайдера. Размышляя о реконструкции наций в Польше, Украине, Литве и Белоруссии, начиная с 1569 г., и говоря, разумеется, об исторических судьбах Великого княжества Литовского, он абсолютно игнорирует архивные источники, равно как и фундаментальные публикации документов по теме, предпринятые еще до революции¹⁰².

Петербургский историк М. М. Кром оправданно причисляет работы И. И. Лаппо к классике дореволюционной литуанистики¹⁰³. Согласимся с ним и в том, что в результате крушения Российской империи распалось и сообщество историков, плодотворно изучавших Великое княжество Литовское в течение нескольких предшествовавших революции десятилетий¹⁰⁴. В этом контексте И. И. Лаппо выступает как осколок некогда могучей историографической традиции, как один из последних ее носителей. Конечно, он не стал творцом новой литовской историографии, да и не имел таких амбиций. Однако творчество его оказалось востребованным. Оно вписалось в общую тональность поисков национальной идентичности и конструирования идеального прошлого. Это обстоятельство делает его одной из ключевых фигур в истории русского интеллектуального присутствия в Литве. Научное наследие И. И. Лаппо нельзя признать тенденциозным и достойным внимания лишь узкого круга историографов. О том, что оно выдержало испытание временем, свидетельствуют хотя бы факты цитирования работ И. И. Лаппо специалистами по истории Великого княжества Литовского. Нельзя не согласиться с метким высказыванием о нем В. П. Мякишева: «Сейчас бы сказали, что он был гражданином Европы. Но, как ни парадоксально это будет звучать, И. И. Лаппо был гражданином Великого княжества Литовского — и эта принадлежность объясняла весь смысл жизни ученого и большинство перипетий его биографии»¹⁰⁵.

Библиография

Аленова В. А. Революция 1917 года и судьба воронежских архивов. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия. История. Политология. Социология, 2018, № 1, с. 31–35.

Бухерт В. Г. «И гнусная же у нас теперь в Юрьеве атмосфера!»: письма И. И. Лаппо к М. К. Любавскому. 1914–1915 гг. — Исторический архив, 2009, № 4, с. 97–103.

Вернадский Г. В. Два подвига Св. Александра Невского. — Евразийский временник, 1925, кн. 4, с. 318–337.

¹⁰¹ Филошук А. И. «Другая Русь» в русской историографии. — Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir Paveldo «Dalybos». Vilnius, 2008, p. 106.

¹⁰² См.: Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven — London, 2003, p. 15–30, 299–303.

¹⁰³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010, с. 16.

¹⁰⁴ Кром М. М. Великое княжество Литовское в российской историографии XIX–XX веков. — Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius, 2009, p. 187.

¹⁰⁵ Мякишев В. П. Указ. соч., с. 162.

Дубьева Л. В. «Отдаю науке совсем...»: И. И. Лаппо — профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике, т. IX. Вильнюс, 2005, с. 374–391.

Дубьева Л. В. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX — начале XX в. Диссертация. Tartu, 2006, 138 с.

Иваненко А. Правда о Лемносе. — Славянская заря, Прага, № 166, 6.VII.1920.

Карпачев М. Д. Перемещение университета из Юрьева в Воронеж. — Логос, 2005, № 6(51), с. 264–268.

Ковалев М. В. Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920–1930-е гг. — Slovánské jazyky a literatury: hľadání identity. Konference mladých slavistů IV–říjen 2008. Praha, 2009, s. 273–279.

Ковалев М. В. Русское историческое общество в Праге (1925–1945). — Российская история, 2011, № 5, с. 148–158.

Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.

Ковалев М. В. Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1894). — Новая и новейшая история, 2015, № 3, с. 162–179.

Ковалев М. В. Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции. — Новая и новейшая история, 2016, № 1 с. 155–172.

Ковалев М. В. Профессор Д. Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. — Российская история, 2016, № 5, с. 174–183.

Ковалев М. В. Русский институт в Праге (1922–1938 годы). — Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История, филология, 2017, т. 16, № 1, с. 121–134.

Кром М. М. Великое княжество Литовское в российской историографии XIX–XX веков. — Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius, 2009, p. 77–192.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.

Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке: его население и виды земельного владения. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете, т. 171, 1894, кн. 4, с. 1–238.

Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке: его население и виды земельного владения (этюды по истории провинции Московского государства). М., 1894.

Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя, т. 1. СПб., 1901.

[Лаппо И. И.] Записка профессора И. И. Лаппо. — Летопись занятия Императорской Археологической комиссии за 1906 год, вып. 19. СПб., 1908, с. 20–41.

Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-Русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

Лаппо И. И. К вопросу об утверждении Литовского статута 1588 г. — Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917, с. 130–171.

Лаппо И. И. Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924.

Лаппо И. И. Происхождение украинской идеологии новейшего времени. Ужгород, 1926.

Лаппо И. И. Н. М. Карамзин и его государственные идеи. — Россия, Париж, № 14, 26.XI.1927, с. 7.

Лаппо И. И. К вопросу о первом издании Литовского Статута 1588 г. — Tauta ir žodis, 1928, т. V, p. 170–214.

Лаппо И. И. Литовско-Русское государство в составе Речи Посполитой. — Научные труды Русского народного университета, т. II. Прага, 1929, с. 63–76.

Лаппо И. И. Литовско-Русское государство и Польша в XVII столетии. — Труды IV съезда Русских академических организаций за границей, ч. 1. Белград, 1929, с. 143–144.

Лаппо И. И. Витовт и Литовско-Русское государство. — Труды V съезда Русских академических организаций за границей, ч. 1. София, 1930, с. 369–404.

Лаппо И. И. Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. — Записки Русского научного института в Белграде, вып. 1. Белград, 1930, с. 53–67.

Лаппо И. И., мл. Рекуператорный владельческий иск в литовском праве конца XVI столетия. Прага, 1933.

Ласинкас П. Русские историки-эмигранты в Литве. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике, т. IX. Вильнюс, 2005, с. 409–446.

Литовская метрика. Отдел первый. Ч. 1. Книги записей, т. 1. СПб., 1910.

Литовская метрика. Отдел первый—второй. Ч. 3. Книги публичных дел. Юрьев, 1914.

Любавский М. К. И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя, т. 1. СПб., 1901. — Журнал Министерства народного просвещения, т. 340, 1902, № 4, с. 486–502.

Мякишев В. П. И. И. Лаппо — ученый с живым чувством исторической действительности. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки, 2004, № 1, с. 162–176.

Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публ. и комм. Л. В. Дубьевой. — Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике, т. IX. Вильнюс, 2005, с. 392–408.

Погодин А. Л. Русская наука за границей. — Славянская заря, № 159, 25.VI.1920.

Ростовцев Е. А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет). — Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012, с. 473–507.

Серационова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.

Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы). — Университет и город в России (начало XX века). М., 2009, с. 671–672.

Филлюшкин А. И. «Другая Русь» в русской историографии. — Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir Paveldo «Dalybos». Vilnius, 2008, p. 93–113.

Цветков В. Ж. Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро. — Белое движение. Исторические портреты. М., 2006, с. 263–266.

Чепайтене Р. Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы. — Український історичний збірник, вип. 16. Київ, 2013, с. 366–392.

Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929.

Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. — Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994, s. 46–64.

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice, t. I. Praha, 2000.

Lasinskas P. Istorijos mokslas Vytauto Didžiojo universitete 1922–1940 metais. Vilnius, 2004.

Lietuvos istorija. Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936.

Ragauskas A. Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva. — Lietuvos istorijos metraštis, 1993, № 7, p. 82–83.

Selenis V. Adolfo Šapoka ir nepriklausomos Lietuvos istorijos mokslo programa «Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje». — Istorija: Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai, t. 71. Vilnius, 2008, p. 13–21.

Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven – London, 2003.

Viliūnas G. Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje. — Lietuvos atgimimo istorijos studijos, T. 17. Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.). Vilnius, 2001, p. 68–102.

References

Allenova V. A. Revolution of 1917 and the fate of Voronezh archives. — Bulletin of Voronezh State University. Series. History. Political science. Sociology, 2018, № 1, p. 31–35. (In Russ.)

Bukhert V. G. “So the atmosphere in Yuriev is vile now!”: Letters of I. I. Lappo to M. K. Liubavsky, 1914–1915 — The Historical Archive, 2009, № 4, p. 97–103. (In Russ.)

Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. — Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994, s. 46–64.

Čepaitienė R. Memories of greatness: the image of the Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of modern Lithuania. – Ukrainian historical collection of articles, vol. 16. Kyiv, 2013, c. 366–392. (In Russ.)

Dubjeva L. V. “Given to science is...”: I. I. Lappo – Professor of Russian history, Tartu (Yuryev) University in 1905 and 1918 the Baltic archive. Russian culture in the Baltic States, vol. IX. Vilnius, 2005, p. 374–391. (In Russ.)

Dubjeva L. V. Historical science in Tartu University in the late XIX – early XX centuries. Dissertation. Tartu, 2006, 138 p. (In Russ.)

Filyushkin A. I. “Other Russia” in Russian historiography. – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir Paveldo “Dalybos”. Vilnius, 2008, p. 93–113. (In Russ.)

Ivanenko A. The Truth about Lemnos. – Slavonic dawn, Prague, № 166, 6.VII.1920. (In Russ.)

Karpachev M. D. Moving the University from Yuriev to Voronezh. – Logos, 2005, № 6(51), p. 264–268. (In Russ.)

Kovalev M. V. Emigration and linguistic trauma: Russian Diaspora in Prague in 1920–1930-s. – Slovanské jazyky a literatura: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008. Praha, 2009, s. 273–279. (In Russ.)

Kovalev M. V. Russian historical society in Prague (1925–1945). – Russian history, 2011, № 5, p. 148–158. (In Russ.)

Kovalev M. V. Russian émigrés historians in Prague (1920s-1940s). Saratov, 2012. (In Russ.)

Kovalev M. V. Life and work of Sergey Germanovich Pushkarev (1888–1894), a historian of Russia Abroad. – Modern and Contemporary History, 2015, № 3, p. 162–179. (In Russ.)

Kovalev M. V. Evgeny Frantsevich Shmurlo: Russian Italian studies in emigration. – Modern and Contemporary History, 2016, № 1 p. 155–172. (In Russ.)

Kovalev M. V. Professor D. D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia in the early XXth century – The Russian History, 2016, № 5, p. 174–183. (In Russ.)

Kovalev M. V. Russian Institute in Prague (1922–1938). – Bulletin of Novosibirsk State University. Series. History, Philology, 2017, vol. 16, № 1, p. 121–134. (In Russ.)

Krom M. Between Russia and Lithuania. Border lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the end of XV – first third of XVI centuries. Moscow, 2010, p. 16. (In Russ.)

Krom M. M. Grand Duchy of Lithuania in Russian historiography of XIX–XX centuries. – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius, 2009, p. 177–192. (In Russ.)

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice, t. I. Praha, 2000.

Lappo I. I. Tverskoy district in the XVI century: its population and types of land ownership. – Transactions of the Imperial Society of History and Antiquities of Russian at Moscow University, vol. 171, 1894, kN. 4, p. 1–238. (In Russ.)

Lappo I. I. Tverskoy district in the XVI century: its population and types of land ownership (study on the history of the province of Moscow state). Moscow, 1894. (In Russ.)

Lappo I. I. Grand Duchy of Lithuania from the conclusion of the Union of Lublin to the death of Stefan Batory (1569–1586). Experience of research in the political and social system, vol.1. Saint-Petersburg, 1901. (In Russ.)

[Lappo I. I.] Note by Professor I. I. Lappo. – Annals of meetings of the Imperial archaeological Commission for 1906, issue. 19. Saint-Petersburg, 1908, p. 20–41. (In Russ.)

Lappo I. I. Grand Duchy of Lithuania in the second half of XVI century: Lithuanian-Russian povet and its seymik. Yuriev, 1911. (In Russ.)

Lappo I. I. On the issue of approval of the Lithuanian Statute of 1588 – Collection of articles in honor of Matvey Kuzmich Lubavsky. Petrograd, 1917, p. 130–171. (In Russ.)

Lappo I. I. Western Russia and its connection with Poland in their historical past. Prague, 1924. (In Russ.)

Lappo I. I. Origin of Ukrainian ideology of modern times. Uzhgorod, 1926. (In Russ.)

Lappo I. I. N. M. Karamzin and his ideas of the state. – Russia, Paris, № 14, 26.XI.1927, p. 7. (In Russ.)

Lappo I. I. On the first edition of the Lithuanian Statute of 1588. – Tauta ir žodis, 1928, t. V, p. 170–214. (In Russ.)

Lappo I. I. Litovsko-Russian state and Poland in the XVII century. – Proceedings of the IVth Congress of Russian academic organizations abroad, vol. 1. Belgrade, 1929, p. 143–144. (In Russ.)

- Lappo I. I.* Litovsko-Russian state in the Commonwealth. — Scientific works of the Russian People's University, vol. II. Prague, 1929, p. 63–76. (In Russ.)
- Lappo I. I.* Equation of rights Of the Grand Duchy of Lithuania and the Crown of Poland in 1697. — Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade, vol. 1. Belgrade, 1930, p. 53–67. (In Russ.)
- Lappo I. I.* Vitovt and Lithuanian-Russian state. — Proceedings of the Vth Congress of Russian academic organizations abroad, vol. 1. Sofia, 1930, p. 369–404. (In Russ.)
- Lappo I. I., Jr.* Recuperative lawsuit in Lithuanian law at the end of the XVI century. Prague, 1933. (In Russ.)
- Lasinskas P.* Istorijos mokslas Vytauto Didžiojo universitete 1922–1940 metais. Vilnius, 2004.
- Lasinskas P.* Russian historians émigrés in Lithuania. — The Baltic archive. Russian culture in the Baltic States, vol. IX. Vilnius, 2005, p. 409–446. (In Russ.)
- Letters of Professor I. I. Lappo to I. Yu. Sprogis from Yuriev (1906–1912). Ed. and comm. L. V. Dubjeva. — The Baltic archive. Russian culture in the Baltic States, vol. IX. Vilnius, 2005, p. 392–408. (In Russ.)
- Lietuvos istorija. Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936.
- Lithuanian metric. Department one. Part 1. Books of Records, vol. 1. Saint-Petersburg, 1910. (In Russ.)
- Lithuanian metric. Department one–two. Part 3. Books of Public Affairs. Yuriev, 1914. (In Russ.)
- Liubavsky M. K. I. I.* Lappo. Grand Duchy of Lithuania from the conclusion of the Union of Lublin to the death of Stephen Báthory (1569–1586). Experience of research in the political and social system, vol.1. Saint Petersburg, 1901. — Journal of the Ministry of Education, vol. 340, 1902, № 4, p. 486–502. (In Russ.)
- Myakishev V. P. I.* Lappo is a scientist with a lively sense of historical reality. — Bulletin of Voronezh state University. Series. Humanities, 2004, № 1, p. 162–176. (In Russ.)
- Pogodin A. L.* Russian science abroad. — Slavic dawn, № 159, 25.VI.1920. (In Russ.)
- Ragauskas A.* Istorikas Ivanas Lappo (1869–1944) ir Lietuva. — Lietuvos istorijos metraštis, 1993, № 7, p. 82–83.
- Rostovtsev E. A.* 1911 a year in the life of the University Corporation (Power and Saint Petersburg University). — Department of Russian history and Modern Russian historical science. Saint Petersburg, 2012, p. 473–507. (In Russ.)
- Selenis V.* Adolfo Šapoka ir nepriklausomos Lietuvos istorijos mokslo programa «Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje». — Istorija: Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai, t. 71. Vilnius, 2008, p. 13–21.
- Serapionova E. P.* Karel of Kramarz and Russia. 1890–1937: Ideological views, political activity, relations with Russian state and public figures. Moscow, 2006. (In Russ.)
- Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven — London, 2003.
- Tamul S.* Tartu and its universities (1905–1918). — University and city in Russia (beginning of XX century). Moscow, 2009, p. 671–672. (In Russ.)
- The fourth Congress of Russian academic organizations abroad in Belgrade (16–23 September 1928). Belgrade, 1929. (In Russ.)
- Tsvetkov V. Zh.* General-Lieutenant A. G. Shkuro. — White movement. Historical portrait. Moscow, 2006, p. 263–266. (In Russ.)
- Vernadsky G. V.* Two feats of St. Alexander Nevsky. — Eurasian time period, 1925, vol. 4, p. 318–337. (In Russ.)
- Viliūnas G.* Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje. — Lietuvos atgimimo istorijos studijos. T. 17. Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.). Vilnius, 2001, p. 68–102.